

Глава 57. Ночная охота в старшей школе

Шорох... прерывистое шуршание по бетону.

Подобно змеиному шипению, эти омерзительные звуки доносились из зданий, сталкиваясь в промерзлом ночном тумане. Они медленно расползались по серой цепи дорожек, сливаясь в единый поток, устремленный к общей цели. Дороги, еще утром омытые рассветом, вновь покрылись рваными кровавыми следами — следами того, что волокли по земле.

Тихие охотники тащили за собой добычу: погруженные в глубокий сон тела с содранной о грубый цемент кожей, сквозь которую местами уже белели кости. Все они были доставлены на территорию, превращенную в место кровавого пиршества.

Щелчок.

На Восточном стадионе, в мастерской у самого входа, вспыхнул свет. Дверь со скрипом отворилась.

Тела «добычи» бесформенными кучами, точно отходы кожевенного производства, сваливали прямо на ступени у входа. Спящие не ведали, что их ждет; некоторые продолжали причмокивать губами во сне, бормотать что-то невнятное или мерно похрапывать.

В проеме возник пустой, парящий в воздухе белый халат. У его обшлагов застыли ножницы — казалось, невидимая рука сжимает их стальные кольца.

— Девяносто семь, девяносто восемь, девяносто девять... — мягкий, почти неразличимый в свисте ледяного ветра голос вел подсчет учителям и студентам, столпившимся или лежащим перед мастерской.

— ...Сто три.

Голос на мгновение смолк. У входа на стадион показались последние трое учеников, волочившие за собой очередное тело; на этом голос закончил подсчет. Как только окровавленные пятки последнего несчастного миновали порог, тяжелые решетчатые ворота бесшумно захлопнулись.

— Все на месте, — утвердительно произнес голос.

В тот же миг воздух прорезал странный высокочастотный гул — тихий, почти недоступный человеческому слуху. Охотники, что стояли перед мастерской с застывшими на бледных лицах жуткими улыбками в предвкушении дележа добычи, вдруг повалились на землю, точно подкошенные колосья.

Повсюду раскинулись белесые конечности. Спустя мгновение храп у дверей мастерской стал громче: охотники погрузились в тот же беспробудный сон, что и их жертвы.

Белый халат выплыл наружу, плавно скользя над телами более чем сотни людей. Словно хладнокровный хирург, идущий к операционному столу, он уверенно миновал завалы плоти, направляясь к своей главной цели.

С окраин стадиона донесся вой ветра. Тьма сгущалась, точно неведомый ужас раскидывал свои корявые ветви, прорастая из теней и выпуская когти. Окровавленное одеяние оставалось единственным светлым пятном в этой ночи.

Оно одиноко и деловито сновало между телами. Ножницы, висевшие у рукава, были отложены в сторону. Тончайшая серебряная игла, повинувшись движению ткани, раз за разом пронзала тела студентов, будто некто пытался заштопать старых тряпичных кукол. Однако на игле не было нитей, а сама манера действий казалась грубой и поспешной.

Завершив процедуру, сущность вновь бралась за ножницы. Короткий взмах — и артерия очередного студента оказывалась перерезана. Свежая кровь ручьями стекала на бетон, напоминая бегущие в безмолвии лесные ручьи.

В этой мертвой тишине слышался лишь мерный плеск вытекающей жизни. Храп постепенно затихал.

Двигаясь от конца очереди к началу, белый халат миновал тело за телом, пока голос не раздался вновь:

— Нашел тебя.

В тоне слышалось мягкое торжество и облегчение, смешанное с радостью. Белый халат внезапно замер и склонился над одной из фигур. Пустые рукава вытянулись вперед, ухватили двоих студентов, лежавших поверх Чжан Мэнчао, и медленно оттащили их в стороны.

Но в тот миг, когда тело Чжан Мэнчао полностью открылось, на его робком, миловидном лице внезапно распахнулись иссиня-черные глаза.

— Чжоу Мушэн! — выкрикнул он.

Чжан Мэнчао пружиной подскочил с земли, бросаясь прямо на парящий перед ним халат. Расстояние было слишком малым, а рукава всё еще были заняты телами студентов, поэтому противник не успел уклониться. С искаженным от отчаяния лицом юноша врезался в него всем весом, словно в последней самоубийственной попытке.

Когда ткань халата облепила его лицо, точно липкая, непроницаемая масса, перекрывая

дыхание, в руке парня внезапно щелкнула зажигалка.

Вспыхнуло пламя. Огонь жадно лизнул край белой ткани. Халат судорожно вздрогнул и отпрянул назад.

Парень рухнул на землю, жадно хватая ртом воздух. Его взгляд, теперь холодный и расчетливый, впился в халат, пытающийся сбить пламя в паре метров от него.

— Чжоу Мушэн... я знаю твою слабость, — прохрипел он. — Тебе лучше прекратить эту бессмысленную месть. Открой ворота и выпусти меня. Иначе... — он оскалился, и в его глазах промелькнуло подавленное безумие. — Я еще раз устрою пожар. И в этот раз сгоришь именно ты.

Белый халат потушил огонь. Голос, теперь звучащий несколько странно, спросил:

— «Еще раз»... Раз ты используешь это слово, значит, в глубине души уже признал свою вину.

— О-о, — Чжан Мэнчао, пошатываясь, поднялся на ноги и издевательски хмыкнул. — Вину? С каких это пор соучастник имеет право обвинять убийцу?

С его лица окончательно сползла маска застенчивости, обнажив спесивое, полное высокомерия нутро:

— Чжоу Мушэн, школьный врач, с каких это пор ты стал святошей? Думаешь, если убьешь нас сейчас под лозунгами мести за этих никчемных букашек, сможешь смыть кровь со своих рук? Тебе совершенно не идет роль трагического героя.

— К тому же, — добавил он с ледяным сарказмом, — я полагаю, мы могли бы сесть и всё обсудить.

Лицо Чжан Мэнчао мгновенно преобразилось, явив миру искреннюю, теплую улыбку. Эта перемена на фоне кровавых луж и нагромождения тел выглядела по-настоящему жутко.

Голос не отвечал. Чжан Мэнчао же, не сводя глаз с замершего халата, продолжал:

— Что на самом деле объединяет разных людей? — Он чуть приоткрыл губы. — Выгода. Только общие интересы — залог самой крепкой дружбы в этом мире. Мертвецам выгода ни к чему. Так что мы можем просто забыть об этих подохших отродьях. Разумеется, я имею в виду и твоего Сун Яньтина, и четверых моих несчастных приятелей.

— Избавившись от этого ненужного балласта, мы поймем, что польза от нашего сотрудничества куда весомее былых обид. Если говорить конкретнее, я обеспечу тебе

жалование, должность и блестящее будущее. Ты ведь знаешь, кто моя семья, Чжоу. Я сдержу слово. И о том, как ты выглядишь сейчас, никто не узнает.

— Я подберу для тебя молодое, полное жизни тело с высоким социальным статусом. Используем метод Лян Гуаня или любой другой, известный тебе, чтобы ты снова стал человеком. Разве быть призраком веселее, чем жить полноценной жизнью?

— И за всё это тебе нужно сделать лишь одно, — Чжан Мэнчао уверенно улыбнулся. — Открой ворота школы и выпусти меня из этого проклятого места. Проще простого, не так ли? Или ты, доктор Чжоу, ради своей так называемой мести готов вечно скитаться по этим коридорам бесплотной тенью?

— Взгляни на это иначе: твоя месть свершена. Почти все охотники в этой школе мертвы. Этой крови достаточно для искупления. Подумай о себе — сохранив жизнь одному мне, ты обретишь великое будущее. Разве игра не стоит свеч?

Чжан Мэнчао, несомненно, обладал талантом оратора, способного разглядеть трещину в любой душе. Но только не в этот раз.

Ткань халата едва заметно качнулась.

— Вот, значит, что бы ты сказал Чжоу Мушэну? — в голосе послышался интерес. — Довольно заманчиво. Жаль только, что я не Чжоу Мушэн.

Этот шепот, едва уловимый и бесплотный, внезапно прозвучал у самого уха парня. Маска уверенности Чжан Мэнчао разлетелась вдребезги. Его зрачки сузились, губы задрожали, но он не успел издать ни звука.

Стальные лезвия ножниц прошили его горло. Вместо слов из разорванной гортани вместе с кровью вырвался лишь невнятный хрип.

— Терпеть не могу твою спесивую рожу, — вздохнул голос.

Чжан Мэнчао, казалось, что-то осознал в последнюю секунду, но времени на раздумья не осталось. Он повалился навзничь, и жизнь мгновенно покинула его глаза.

Белый халат постоял над телом еще мгновение, издал тихий смешок и уже собирался бросить испорченный «материал», чтобы приняться за следующий, как вдруг его подол замер.

Путь ему преградил высокий юноша. Он возник из ниоткуда, беззвучно, словно призрак. Но он не был призраком.

Огонек зажигалки в его руке рассек ледяную тьму. Пламя, дрожащее между сквозняком стадиона и тусклым светом мастерской, озарило спокойное, суровое лицо Ли Цзяньчуаня.

Он качнул пальцем:

— Я убиваю быстрее тебя.

Голос рассмеялся и уже хотел что-то ответить, когда Ли снова щелкнул зажигалкой:

— Ты только что читал нотации Чжан Мэнчао, так что не строй из себя невесть что. Я вижу нити, тянущиеся к тебе. И я хочу поговорить с настоящим Чжоу Мушэном.

Последняя фраза прозвучала странно. Голос осекся.

Ли Цзяньчуань мгновенно считал подтекст этой заминки. Пока ночной ветер трепал окровавленный подол халата, Ли резко оттолкнулся от земли и перемахнул через него. В момент прыжка рука Ли, сжимающая зажигалку, прочертила в воздухе ломаную линию.

Крохотный язычок пламени стремительно пронесся вдоль этой траектории. В воздухе запахло жженым волосом и паленой синтетикой.

Ли с щелчком закрыл зажигалку и приземлился за спиной противника. Пустой белый халат пролетел по инерции еще пару метров и внезапно забился в конвульсиях, точно марионетка с перерезанными струнами. Он резко развернулся, пытаясь броситься в сторону, но в тот же миг девушка, что должна была находиться в глубоком сне, внезапно вскочила на ноги. В ее руке блеснул канцелярский нож, нацеленный в уязвимое место, а следом полетела брошенная зажигалка.

Халат качнулся, пытаясь сменить направление, но прямо перед ним возник Нин Чжунь. В его темных глазах, обрамленных густыми ресницами, плескалось алое зарево.

— На твоём месте я бы предпочёл на время уйти, — произнес он, чуть изогнув губы в улыбке.

Белый халат окончательно замер. Рукава безжизненно опали, и ткань мягким комом рухнула на бетон.

В тот момент, когда халат коснулся земли, в его складках проступило тело мужчины средних лет. Его лицо, когда-то интеллигентное и мягкое, теперь приобрело трупную бледность, а губы отливали синевой. Худое тело было прошито бесчисленным множеством тонких нитей, связывающих конечности и туловище с невидимой пустотой в вышине. Он напоминал сломанную куклу, застывшую в неестественной позе.

Большая часть нитей была перерезана огнем Ли Цзяньчуаня.

Оказавшись в кольце, мужчина разомкнул губы:

— Я... Чжоу Мушэн.

Он с трудом приподнялся. Не глядя ни на кого, он печально улыбнулся:

— Моя месть почти окончена, вам ни к чему мне мешать. И я не собираюсь возвращаться в мир людей, как плел этот идиот Чжан Мэнчао. Когда всё закончится, я уничтожу себя.

— Тот голос, что только что говорил с ним... кто это был? — спросил Нин Чжунь.

Чжоу Мушэн взглянул на него и горько усмехнулся:

— Это моя вторая личность.

На стадионе воцарилась тишина. Казалось, все были ошарашены этим признанием. Мужчина опустил голову и глухо добавил:

— У меня расщепление личности. Когда верх берет он, я не знаю, что он творит. Но как бы там ни было, он — это я. И я не могу не нести ответственности за его поступки.

Номер Пять, стоявший рядом с оружием в руках, услышав это, выглядел озадаченным и с сомнением спросил:

— То есть ты хочешь сказать, что и преступления, и месть — дело твоих рук, но совершил их не ты сегодняшний, а твое второе «я»?

— Мне горько это признавать, но это так, — выдавил Чжоу Мушэн.

Нин Чжунь скептически приподнял бровь. Ли Цзяньчуань тем временем прикурил от зажигалки и, подойдя к врачу, спросил:

— Когда он появился?

— В начале этого семестра, — честно ответил Чжоу. — Всё, что творится в Фэнчэн... я, как врач, всегда знал об этом. Здесь учатся дети из влиятельных семей, а я — всего лишь мелкий школьный лекарь без связей и власти. Я ничего не мог сделать. Только смотреть.

— Некоторые дети получали... травмы, — он замялся, подбирая слова. — Я заботился о них как мог: давал жаропонижающее, антибиотики. Но другие... они приходили за рецептами на препараты, и я не мог им отказать. Я оставался сторонним наблюдателем.

— Но есть одна верная фраза: когда ты долго смотришь в бездну, бездна начинает смотреть в тебя, — Чжоу Мушэн бессильно улыбнулся. — В такой обстановке мой разум не выдержал. Появился он. Он влюбился в одного ребенка и... надругался над ним.

Врач зажмурился:

— Но потом те пятеро демонов замучили этого ребенка до смерти. И мой второй «я» сошел с ума. Он превратился в монстра и пришел мстить.

Среди тел на стадионе витал тяжелый запах крови. Нин Чжунь подошел к Ли Цзяньчуаню. Номер Восемь и Номер Пять застыли на своих местах. Четверо игроков переглянулись, и Ли Цзяньчуань, освободив руку, негромко поаплодировал.

— Безупречная логика, блестящие выводы... Неплохо сочинил, — Ли выдохнул облако дыма, пепел осыпался на землю. — Если бы я не знал, что настоящее имя Сун Яньтин — Тин Сун, и что у него была сестра по имени Тин Яньян, я бы, пожалуй, поверил.

Чжоу Мушэн резко вскинул голову.

— Это не твоя месть, а месть Сун Яньтина, — отрезал Ли Цзяньчуань. — Более того, этот план созрел у него еще в тот момент, когда он только решил перевестись в Фэнчэн.

Ли чуть сузил глаза.

— Тин Яньян училась здесь, в первом классе старшей школы. Спустя три месяца после начала учебы она бесследно исчезла. Никаких улик. Но ее брат, Тин Сун, с которым они вместе росли, не прекращал поиски. Волей случая или намеренно, он узнал о грязных тайнах этой школы.

— Он очень умен. Он провел собственное расследование и догадался, как погибла его сестра. И тогда он сменил имя и пришел сюда, используя себя в качестве наживки для этой безумной мести.

Ли Цзяньчуань умолк. Чжоу Мушэн сидел в полном оцепенении — казалось, подобная версия никогда не приходила ему в голову. Ли схватил врача за шиворот и рывком поднял на ноги.

Нин Чжунь пошел впереди, и они вдвоем направились к выходу со стадиона. Номер Пять, погруженный в раздумья, последовал за ними. Номер Восемь, немного поколебавшись, пошла последней.

Они быстро покинули стадион и, шагая сквозь ледяной ночной туман, вошли в мужское общежитие №1. Миновав коридор, группа остановилась перед дверью с табличкой «132». Дверь была распахнута, свет из комнаты падал на пыльный пол коридора.

Ли Цзяньчуань заглянул внутрь. На полу, на коленях, сидел юноша. В его руках взвизгивала бензопила, вгрызаясь в бетонный пол и вырезая в нем глубокую дыру. Этот звук в заброшенном, холодном здании казался запредельно жутким.

Бетонная плита поддалась, обнажив под собой влажную черную землю. Сун Яньтин отложил пилу, вытер пот со лба и совершенно естественно кивнул вошедшим:

— Чего столпились в дверях? Заходите.

Он уселся прямо на землю среди обломков бетона, отпил воды из бутылки и спросил, чуть склонив голову:

— Как вы догадались?

Нин Чжунь, сохраняя полное спокойствие, вошел в комнату и сел на диван. Он протянул Сун Яньтину книгу Чжан Мэнчао, в которую был вложен листок, исписанный именами и шифрами.

— Я расшифровал список жертв Чжан Мэнчао. Там есть имя Тин Яньянь. В истории болезней у Чжоу Мушэна оно тоже фигурирует, — Нин Чжунь улыбнулся. — Если бы оно встретилось только в одном месте, я бы не придавал этому значения. Но оно было в обоих.

Сун Яньтин взял книгу грязными руками, мельком глянул на список и усмехнулся:

— Чжан Мэнчао всегда был спесивым идиотом. Впрочем, теперь это не важно.

Он откинулся назад, прислонившись спиной к стене.

— Раз вы нашли это место, значит, моя цель почти достигнута. Что ж, я готов выслушать ваши догадки.

Сун Яньтин спокойно улыбнулся:

— Мне будет приятно послушать. И я готов рассказать вам эту историю до конца. Весь этот год я не забывал о ней ни на секунду. Гнев храбреца обращен на сильных; гнев труса — на тех, кто еще слабее.

В его взгляде промелькнула мимолетная нежность.

— Я всегда считал себя трусом. Но Яньянь знала... для нее я всегда был самым храбрым братом.

<http://bllate.org/book/15871/1502865>